

Арсений Селецкий

**КОЛДОВСТВО
В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ
В XVIII столетии**

Арсений Селецкий

**КОЛДОВСТВО
В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ**

В XVIII столетии

Арсений Селецкий

**КОЛДОВСТВО
в Юго-Западной Руси
в XVIII столетии**

ООО "Остеон-Пресс"

Арсений Селецкий. —КОЛДОВСТВО В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ
В XVIII СТОЛЕТИИ, 2014. — 96 с.

ООО "Остеон-Пресс".2013 г.

Великолепно написанная монография о тайных культах и
магических практиках на территории Белоруссии и Западной
Украины.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется эзотерикой,
магическими практиками, славянским язычеством,
знахарством и целительством.

© ООО "Остеон-Пресс".2013 г.

© Л.И.Зданович. Редактирование. 2013

Издание осуществлено при содействии ИП Э.Хачатурян

ISBN 978-5-00064-165-1

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОКИ РУССКОГО КОЛДОВСТВА

Чуть ли не с проявлением своего самосознания человек натолкнулся на множество непонятных, неразрешимых для него загадок, которые представляли ему как его собственная природа, с ее высшими духовными проявлениями, так и окружающий его мир, действующий на него так сильно и неотразимо. Рано пробудили они его рассудочную деятельность; пытливый ум человека не мог, по собственной природе довольствоваться простым лишь созерцанием смены совершающихся вокруг него фактов, явлений; он стремился отнестись к ним сознательно, найти ту, где-то скрытую, пружину, которая лежала в их основе, отыскать и уяснить их причины. Но не легка была эта задача: труден и тернист путь к истине; много лиц и даже поколений гибли на нём, не достигнув заветной цели. Много обманчивых иллюзий возводилось на этот великий мировой пьедестал истины, пока чья-либо смелая рука не свергала воздвигнутого кумира, показав всю его мишурность, и опять начинались долгие, томительные поиски... Но скептицизм не мог служить в них исходной точкой отправления, по самим психологическим требованиям природы человека тут требовалось иное...

Прежде других останавливали на себе внимание явления, благодетельное, или же напротив разрушительное действие которых впервые испытывал, на себе человек, с которыми он вошел в непосредственное, так сказать, общение. Этот двойственный, в отношении к человеку, характер проявления какой-то могучей мировой силы сразу был им подмечен, заставив, его признать соответствующие две причины всех явлений — добрую и злую.

Эти общие, так сказать, родовые силы распались на видовые, подчиненные первым; появился таким образом целый ряд существ добрых и злых; зародились попытки к развитию той или иной демонологии, сообразно с характером данного

народа, его климатическими условиями жизни. И населил ими человек все уголки необъятного мира, которые носили для него отпечаток какой-то таинственности, непроглядного покроя. Грозное и вместе величественное море, воздух, реки и озера, неприступные горы и овраги, леса и беспредельные степи получили соответствующих обитателей. Не были они однако одной лишь абстракцией мировой силы, — является она результатом уже более зрелой, дисциплинированной мысли, а представлялись в конкретных, чувственных образах. Та или иная мировая сила находила соответствующую для своего воплощения форму. Внешняя природа, под покровом которой всюду скрывалась эта тайная сила, проявляясь каким-то неуловимым образом, давала богатый материал для элементов этих форм, фантазия и народное творчество комбинировали его так или иначе, создавали цельные, законченные образы. Чем сильнее и разнообразнее воздействовала она на человека, тем величественнее и грандиознее были эти образные представления мировой силы.

Величественная, поражающая своей силой, экваториальная природа создала гигантские до уродливости божества буддизма; дикий однообразный север, с его тайгами и тундрами, породил такие же мизерные, уродливые религиозные формы в виде фетишизма и шаманства; мягкая, благодатная природа Греции и Италии создала религию красоты в форме антропоморфизма. Этот последний культ был культом идеализации человека, культом строгой мировой гармонии, с тяготеющим над ней роком, неумолимым и неизбежным. Против его велений, его требований были бессильны не только люди, но и боги: те и другие должны были подчиниться ему безропотно, безапелляционно. Какая либо случайность, изменение предначертаний судьбы являлось бы уже нарушением мировой гармонии и порядка.

Культ славян был чужд этой давящей, порождающей жизненную апатию, грандиозности буддизма, конечною целью которого было полное самоуничтожение; чужд он был и той

фатальной неизбежности рока, следствием которой было лишь стоическое терпение и покорность судьбе, и хотя на каждом почти шагу он признавал присутствие враждебной человеку силы, но она не была для него так непреодолима, как там; человек мог вступить с ней в борьбу и выйти даже победителем, мог, при посредстве некоторых таинственных действий, поставить в служебное к себе отношение эти злые силы и повелевать ими.

Такое отношение к злой силе создавало мало по малу свой особый, специальный культ с его заговорами и заклинаниями, служащий к ограждению от разных бед и несчастий, а затем и для благоприятного исхода каких либо предприятий, созидания личного благополучия. Таким образом, вытекая первоначально, так сказать, из чувства самосохранения, колдовство и чародейство стало существенной частью языческого славянского религиозного культа и развилось до широких размеров, пуская глубокие корни в народной массе.

Христианство, вводимое у нас не исподволь, но хлынувшее разом, не проникнув в сознание народа, произвело какой-то странный умственно-религиозный хаос, дикую смесь верований и понятий. Народ официально молился христианскому Богу, но не оставлял и своих дубрав, слушая христианское богослужение в храме, он тайком совершал в них свои языческие мистерии. Церковность не истребила остатков языческой обрядности, не могла затмить в народной памяти всего, что касалось старой веры, она придала им лишь особый колорит, видоизменила их.

Языческие боги отождествились отчасти с бесами христианского учения и целиком почти перенесли к этим последним древние заклятия и заговоры. Совершались они теперь не именем оставленных божеств, в них уже появились обращения к святыням и бесам новой веры; к последним примкнули также и прежние верования в водяных, леших и другие враждебные человеку силы. Добрые мифические божества языческого мира примыкали иногда к христианским святым, находя в воплощение в лице того или другого святого

и к нему переносились прежние верования, прежние обряды, которые на этой новой почве сохранили чрезвычайную живучесть. Это был, таким образом, культ домашний, в отличие от церковного, общественного, чествование и умиротворение своих пенатов. Надолго остались в народе эти отжившие, старые формы и до конца XVIII века в юго-западной Руси они имели еще свою, так сказать, административно-юридическую санкцию. В судебных процессах этого времени признается возможность чародейственного сношения с нечистым, или чертом, как факт не подлежащий сомнению, не говоря уже о менее важных проявлениях знахарской, колдовской силы, вера в которую, если и потеряла теперь свою, так сказать, гражданственность, то все таки сохранилась в народной массе в форме различных суеверий и поверий. На этом переходном времени нашего юго-западного края мы и остановимся в предлагаемом эскизе.

КОЛДОВСТВО И НЕЧИСТАЯ СИЛА

В основе колдовства и чародейства лежит, с одной стороны, понятие злой, «нечистой» силы, идея черта, как личного, обладающего до некоторой степени сверхъестественной силой, существа, с другой верование в возможность для человека войти с ним в такие или иные сношения, пользоваться его услугами. Эти сношения бывают двух родов: непосредственные и посредственные. В первом случае достаточно лишь одних заклинаний и заговоров, чтобы черт выполнил желание знахаря, во втором необходимы некоторые вспомогательные средства в виде каких либо известных магических предметов, трав и прочих снадобий. Первый род сношений с чертом есть колдовство в собственном смысле, второй — чародейство, хотя народ не полагает строгого разграничения между тем и другим и перемешивает эти понятия. Как тот, так и другой вид сношений с чертом, по народному представлению, возможен лишь в силу известного условия, или контракта с ним. В силу этого договора черт отдает себя на известное число лет в полное распоряжение будущего колдуна, который, по истечении условленного срока, должен расстаться с жизнью и расплатиться за оказанные ему услуги собственной душой, которая поступает таким образом в полное владение черта. Договор заключается обыкновенно в полночь на перекрестных дорогах и скрепляется формальной записью, написанной на пергаменте или бумаге кровью с мизинца будущего колдуна;^[1] письменные принадлежности и ножик для разрезания пальца предусмотрительный черт на всякий случай всегда носит с собой.^[2] Не всякий однако может воспользоваться таким доверием: бывали случаи, когда люди, по истечении условленного срока, под каким либо остроумным, хитрым предлогом, уклонялись от договоренной расплаты, обманув черта. Вследствие этого он стали уже гораздо осторожнее и уговоры подобного рода заключает лишь с лицами из известных

ему, уже испытанных семей, в чьем роде был предок, добросовестно выполнявшей свои обязательства.^[3]

Относительно первоначального происхождения черта в малорусских народных сказаниях нет достаточно определенных указаний, по ним он был у Бога «первым апостолом»; присутствуя при творении мира, он в свою очередь хотел создать такой же мир, подобный созданному Богом, за что и был Им прогнан. Но и после этого черт не отступал от Бога, прося, чтобы Он создал ему товарища. Бог предоставил сделать это самому черту, сказав ему пойти к морю и брызнуть назад себя водою. Брызнул черт раз, смотрит, за ним стоит другой такой же, как он; повторил он подобное действие во второй, третий раз — то же самое. И стал он брызгать без перерыва до тех пор, пока не был наконец остановлен Богом; явилось таким образом множество чертей.^[4]

Дальнейшее размножение их происходит путем такого же естественного происхождения, как и у людей, с тем лишь важным различием, что они не умирают естественной смертью^[5], как эти последние, хотя не ограждены от насильственной: они во множестве гибнут от ударов грома^[6], а также съедаемые волками^[7], иначе их расплодилось бы бесчисленное множество^[8].

Черт большей частью невидим, хотя не по природе, а от того, что владеет шапкой-невидимкой^[9]. Народное воображение в юго-западной Руси рисует себе черта в виде человека несколько уродливого, карикатурного. Роста он небольшого, морда широкая, с длинным крючковатым носом, глаза как раскаленные уголья, волосы черные, жесткие и сам он весь черный; на голове рога бараньи или козьи, тщательно прикрываемые высокой цилиндрической или же круглой широкополой шляпой. Руки у него длинные до уродливости, пальцы снабжены большими звериными когтями^[10], хотя на ногах, имеющих вид собачьих или куриных, бывают иногда

просто раздвоенные копыта^[11]; сзади небольшой собачий хвост. Одежда на нем всегда «немецкая»: короткая куртка или фрак и узенькие панталоны^[12]. Эти последние черты носят на себе характер, кажется, позднейшего происхождения; явились они, по всей вероятности, не раньше времен казачества, когда для южно-русского народа все «панское», «немецкое» внушало какое-то чисто физиологическое отвращение и имя «пана» стало синонимом черта. Страсть чертей к музыке, веселью, пикникам, тоже черты шляхетско-польской барщины. Есть несколько вариантов народной малорусской легенды о музыкантах, которые были приглашаемы чертями на свадьбу или вечер в великолепные барские хоромы, оказывавшиеся затем каким-нибудь кочковатым, топким болотом, а полученные ими деньги превращались в черепки битой посуды^[13] или куски навоза.

Сами черти тоже могут принимать различные превращения, как-то: в борзых собак^[14], кошек^[15], черного петуха^[16], овцу^[17], козленка^[18], клубок^[19], наконец в детей^[20], или же тех или иных взрослых людей, и заводить даже любовные интриги^[21].

Подобные сказания о чертях не были простым лишь, невинным коротаньем праздного досуга длинных зимних вечеров, им придавалось вполне реальное значение, что подтверждается судебными процессами, возникавшими по поводу обвинений или оклеветаний в колдовстве тех или иных людей. Такие процессы, имевшие в юго-западной Руси место еще до конца XVIII в., показывают притом, что эти верования были всеобщими, ютились не только среди простой массы, но и тогдашней интеллигенции и администрации. В этих судебных актах мы не найдем полного и цельного изображения черта, так как подобные подробности не входили в задачи юрисдикции, рассматривавшей дело с точки зрения гражданского или уголовного иска; тем не менее и эти отдельные разрозненные

замечания дают ясное представление, как глубоко коренились подобные верования и как легковерно принимались за истину какие либо пустые толки и бабьи сплетни.

Укажем на несколько процессов в этом роде, производившихся в прошлом столетии.

В 1710 году в Каменец-Подольском магистрате разбиралось дело по жалобе мещанки Агнесы Шагиновой на соседку Клецкую, которая оговорила ее в чародействе, указывая притом на связь Шагиновой с «лятавцем» — перелетным воздушным злым духом. На суде Елецкая, стараясь оправдаться, отрицала распущенные ею же слухи. «О «лятавце», заявила она, я ничего не знаю и никогда об этом не говорила»).

Около того же времени и в том же каменец-подольском магистрате слушалось дело по обвинению жены Каменец-Подольского цехмистра Петра Дорочевского, будто бы она причинила тяжкую болезнь мещанину Косте, настав на него злого духа. Свидетели, вызванные по этому делу, под присягой показали, что они лишь слышали от тех или иных лиц, что обвиняемая действительно наслала черта на Костю и, кроме ссылки на народную молву, не могли принести более серьезных аргументов в доказательство виновности Дорочевской [\[22\]](#).

МАГИ И ИХ ПАЦИЕНТЫ

Стоустая народная молва далеко разносила подобные сплетни, уснащая их различными прикрасами. Составлялись таким образом целые легенды про деяния пресловутых колдунов, которые, в свою очередь, не опускали случая воспользоваться своею славой и эксплуатировали невежественное доверие массы. Показание дворянки Варвары Костецкой, записанное в книгах винницкого магистрата под 1742 годом, довольно характерно и рельефно представляет, с одной стороны, шарлатанство наших доморощенных магов, а с другой слепое к ним доверие их пациентов.

Костецкая, по поручению дворянки Виктории Рябчинской, должна была разыскать знахаря, который бы согласился отравить ли, околдовать, или наслатъ злых духов на мужа последней, Роха Рябчинского. Как на знаменитость в делах этого рода, указывали на одну женщину в селе Черняхове. Костецкая и обратилась к ней для выполнения возложенного на нее поручения; но та сказала, что она ничего не может сделать Роху Рябчинскому, так как последний имеет в своем распоряжении черта более могущественного, чем ее.

Но и после этого Рябчинская не оставила своих намерений относительно мужа, и Костецкой приходилось опять продолжать свои поиски. Черняховская колдунья советовала ей между прочим разыскать в деревне Добрыводах одного излечившегося околдованного и разузнать от него о месте жительства пользовавшего его знахаря. Оказалось, что этот последний проживает в селе Свинюхах, но лечил больного не он сам, а его мать, которая уже умерла, передав однако свой секрет сыну.

Приходилось таким образом отправиться в с. Свинюхи, но для этого, во избежание разных толков, а то и разоблачений, необходим был благовидный предлог, каким и явилось путешествие Рябчинской, в сообществе ее родственниц и знакомых, вместе с Костецкою, на богомолье в

Подкаминье^[23] через с. Свинюхи. Знахаря дома однако не оказалось: в это время находился он в селе Олексинцах, куда и отправились Рябчинская и Костецкая. Когда Рябчинская высказала ему свои требования с предложением за исполнение их пары волов, коровы и двухсот золотых, он отказался от такого поручения. Костецкая приписывала причину отказа собственному влиянию, именно будто она убедила знахаря не прибегать к такому бесчеловечному средству, как наслание чертей, в угоду Рябчинской. Знахарь иначе объяснял: «сделать этого я не могу, говорил он Рябчинской, потому что, когда моя мать наслала черта на одну девку, то он замучил и эту девку, и мать, а у меня есть ведь жена и дети»^[24]. Вера в колдунов и их сношения с чертом была принадлежностью не одного лишь простонародья, а и дворянства. Костецкая с каким-то наивным доверием относится к объяснениям причин отказа колдуньи села Черняхова наслать черта на Роха Рябчинского, в отказе свинюховского знахаря видит уступку ее увещаниям, его гуманность, а в его словах лишь простую уловку, чтобы отклонить от себя нежелательное поручение.

Это верование не было однако лишь простым суеверием, которого держатся втайне, стыдясь высказать его открыто, напротив оно было убеждением, засвидетельствованным официально и самими представителями судебно-административной власти.

Довольно характерный в этом отношении процесс сохранился в книгах дубенского магистрата под 1741 годом. Обвинялся дьячок Григорий Комарницкий в том, что соблазнил девицу Екатерину Сахнюкову и что от него она родила дочь. На суде обвиняемый отрицал всякую возможность совершения им взводимого на него проступка. По его показанию, по дороге из Острога, он действительно заходил в село Птичу, где проживала Сахнюкова, но встретив эту последнюю возле ее усадьбы вместе с некоторыми односельчанами, только зашел к ней в избу и, съев кусок хлеба, тотчас ушел к своей прежней хозяйке, Антонихе, у которой проживал, будучи дьячком в Птичей.

Антониха отвела ему место для ночлега в амбаре и когда он улегся спать, заперла снаружи дверь на замок и открыла ее лишь утром, так что он, следовательно, ни в каком случае не мог ночью зайти к истице. «Быть может, высказал такое предположение Комарницкий, с нею согрешил бес, приняв на себя мой образ, но не я!»^[25] Суд, приняв во внимание это объяснение, утвердил *alibi* Комарницкого, который и был оправдан, тем более, что оно вполне согласовалось с тогдашним верованием в возможность такой проделки со стороны черта, с целью подорвать чью либо репутацию. Вследствие последних соображений, Комарницкий шагнул дальше пресловутого великорусского «черт попутал», которое представляло лишь в слабости воли смягчающее вину обстоятельство, он постарался выгородить себя совершенно, свалив на черта и само совершение преступления. Подобный маневр вполне удался. Ясно, что оправдание было бы невозможно, если бы не имело опоры в народном убеждении, что черт может вступить в плотские связи со смертными, особенно с женщинами^[26] и иметь от них детей, как утверждают народные легенды).

Процесс Комарницкого имеет аналогию со следующим случаем, приведенным у Жюля Бессака в его философско-критическом наследовании: «*Le Diable*». С целью дискредитировать Сильвана, епископа Назаретского, черт, под видом святителя, проникнул ночью в спальню одной благородной горожанки, и когда та стала кричать, сбежавшийся народ нашел черта в образе епископа и выгнал его с позором. Враги Сильвана стали утверждать, что это был он сам, но епископ заставил черта (предание не говорит только, каким средством) сознаться в своей адской хитрости. — Историч. Вестн. 1881 г., кн. I, стр. 168.

Женщина и у нас, как всегда и везде, дала значительный, сравнительно с мужчиной, процент лиц, причастных к колдовству, но зависело ли это от чисто физиологических причин, большей ли податливости влиянию черта слабой натуры^[27],

господствующего ли взгляда на женщину, как источник зла, всех ли этих причин в совокупности, — в малорусских народных сказаниях мы не находим ответа на подобные вопросы. Несомненно, что важное влияние на народное воззрение имеет византийский взгляд на женщину, как источник зла и всякого соблазна.

МАЛУРУССКОЕ ВЕДЬМОВСТВО

Все вообще колдуньи известны под именем ведьм, хотя малорусская ведьма имеет свои особые, специальные черты. Подразделяются они на два вида: природных или родимых и наученных. Первые — это ублюдки женщины и черта, или же дети заклятия кем либо в несчастный час еще в утробе матери^[28], вторые — научившиеся колдовству по собственному желанию. Отличительной, важной особенностью родимых является небольшой, величиной в палец, хвостик, который, если ведьма занимается колдовством, вырастает до размеров хвоста собаки. Природные ведьмы не так опасны, как наученные; занимаются они исключительно лишь доением чужих коров и овец, — это специальность всякой малорусской ведьмы, но делают это обыкновенным способом). Наученной же достаточно раз подоить чью либо корову, в день Благовещения или св. Юрия (Георгия Победоносца — 23 апреля), чтобы молоко последней на будущее время принадлежало исключительно ей одной. Ведьма не имеет уже надобности доить такую корову, она пробуравливает дыру в одном из столбов своей «коморы» или хаты и, при известных ей заговорах, затыкает ее колышком; достаточно лишь вынуть этот последний, чтобы из этой дырки полилось молоко, как из крана^[29].

Ведьмы могут превращаться временно в собак, кошек птиц или даже в предметы неодушевленные (решето, иглу и т. п.) снимать звезды с неба, влезать вверх ногами на придорожные кресты^[30], задерживать дождь и производить таким образом засуху, управлять градовыми тучами^[31], насылать на людей разные беды.

Свой колдовской секрет ведьмы окружают величайшей тайной и всякий желающий проникнуть в нее должен за свое любопытство поплатиться жизнью: они высасывают из него во время сна кровь и он умирает. Приступая к своим экспериментам ведьма, как гласит народное поверье, снимает с себя рубашку,

смазывает все тело какою-то мазью, ставит затем на огонь в печь горшок с какой-то жидкостью и когда последняя начинает закипать, она, схватив помело или кочергу, улетает на ней в трубу вместе с парами [32].

В ночь на Ивана Купала ведьмы собираются таким же образом на Лысую гору, под Киевом, для общих совещаний и веселья вместе с чертями [33]. По временам они, кроме того, устраивают и частные собрания, на условленном заранее месте, под председательством «ведьмака», который следит, чтобы ведьмы не причинили людям много зла. На этом «шабаше» затеваются также игры, в роде войны на мечах; их заменяют «мечики» от «терныци», т. е. песты, которыми мнут стебли льна или конопли.

Обучение своему искусству ведьма начинает обыкновенно испытанием, желающей стать колдуньей. Для этого она берет кусочек сыра, другой дает своей прозелитке и отправляется вместе с ней к реке или колодцу. Экспериментируемая, по приказанию ведьмы, раздробив свой сыр, бросает его в воду, наблюдая за происходящим; но не замечает ничего особенного. То же самое повторяет затем старая ведьма, — является вдруг множество всевозможных, гадов и расхватывают брошенный ею сыр. «Так растерзают черти на томе свете твою душу за ремесло ведьмы», говорит она при этом испытываемой, и если та не меняет после этого своего решения, начинается ученье).

В способе разыскивания ведьмы в юго-западной Руси сказалось вполне влияние европейского запада. В начале XVIII века было в ходу так называемое «плаванье ведьмы», как уже укоренившийся старинный обычай, хотя почин в этой операции принадлежал не самому народу, а дворянству. В Каменец-Подольской городской книге под 1709 годом находим довольно обстоятельную запись о подобных розысках ведьмы. В этом году в Подолии была засуха. Мелкопоместные владельцы села Подфилинья, дворяне: Дружковские, Нагурские, Локучевские и Руцинские составили совет относительно необходимых мер

против упомянутого бедствия. Дружковские указывали причину засухи в злом умысле чаровниц и это мнение было признано справедливым. Приступили к розыску. В виде первого испытания приказано было всем крестьянкам носить через поля ведрами воду из реки Збруча и поливать ею крест, стоявший при дороге на довольно значительном расстоянии от реки. Все крестьянки выполнили приказание и таким образом отклонили от себя падавшее на них подозрение. Совещавшиеся пришли теперь к твердому убеждению, что зло коренится в их же дворянской среде.

Между прочим Дружковский своей соседке Яворской должен был уже два года значительную сумму денег и уклоняясь от уплаты долга, подвергался за это со стороны Яворской неприятностям и сильным преследованиям. Чтобы отплатить ей за это, он убедил соседей, что она несомненно произвела засуху. С общего совета, на берегу Збруча были устроены необходимые для предстоящего испытания приспособления. К реке были собраны все жители села, была приглашена сюда и Яворская. Лишь только явилась эта последняя, на нее, по приказанию Дружковского, набросилось несколько человек крестьян, раздели ее до нага и связав особенным, установленным для подобного рода испытаний образом (для этой цели связывали вместе большой палец правой руки и левой ноги и наоборот; в точки скрещения прикреплялась длинная веревка для подымания и опускания на блоках испытываемой.), принялись «купать» ее, то опуская в воду, то опять подымая вверх. Благодаря лишь тому, что она тонула, ее признали невинной).

В 1711 году производились такие же розыски ведьм на Волыни. По настоянию одного управляющего имением, дворянина Федора Ковнацкого, «по давнему обычаю» купали в реке женщин, заподозренных в произведении засухи. Десять из них, признанные после испытания виновными, были арестованы и под стражей препровождены в Дубенский замок и только по настоятельным просьбам мужей были отпущены на

поруки, с тем, чтобы по первому требованию явились в суд для разбирательства дела [\[34\]](#).

Все вообще бедствия приписывались колдовству и причину их искали не в каких либо гигиенических или физических условиях, а в злом умысле людей. Достаточно было самого незначительного, как увидим ниже, повода, чтобы навлечь на себя подозрение; особенно во время каких либо общественных бед: мора, голода и т. п. болезненно настроенное воображение народа порождало чрезвычайную подозрительность. Причиной повальных болезней считали обыкновенно так называемых упырей [\[35\]](#), и горе тому, на кого налагали это клеймо, если только, по своему положению, он не был недоступен для черни; иначе ее дикие инстинкты не знали удержу.

УПЫРИ И ВЕДЬМЫ

Народные воззрения на упырей, как обыкновенно бывает со всеми образами народной фантазии, крайне спутаны и неопределенны. Варьируются они на несколько ладов, смотря по местности их происхождения и распространения. По одним — это ублюдки от черта или вовкулака и ведьмы. «Упырь и непевный усим видьмам родич кревный», гласит малорусская народная поговорка; по другим — это настоящие черти, имеющие лишь внешний вид людей.^[36] По третьему верованию, упыри представляются трупами колдунов, ведьм и всех вообще проклятых родителями или отверженных церковью, которые одухотворяются поселившимися в них чертями, сообщаящими им движение.^[37] Таким образом, по последнему представлению, упыри — это злобные, блуждавшее мертвецы.^[38]

По внешнему виду, в одних местах упырь ничем не отличается от обыкновенного человека, в других его наделяют красным, почти багровым лицом, хотя бы то был и старик, и крепким богатырским телосложением.^[39] Подразделяются они на два разряда: живых и мертвых. Последние без первых совершенно безвредны и даже немислимы, так как сами они не могут двигаться и живые таскают их на своих спинах.^[40] Мертвые упыри лежат в своих гробах всегда навзничь и никогда притом не разлагаются. Ночью они оставляют свои могилы и бродят по свету, летают по воздуху, или же, взбираясь на могильные кресты, своим шумом пугают запоздалых путников, а иногда и гоняются за ними. Но более страшны упыри, когда, забираясь в дома, высасывают кровь у сонных людей, особенно у детей, причиняя неизбежную смерть путем постепенного ослабления организма, если заблаговременно не будут приняты должные меры.^[41] Эти ночные странствования упырей продолжаются

«до первых петухов», после чего они опять возвращаются в свои могилы. [42]

На правой стороне Днепра упырями называют еще детей-уродов с большой головой, длинными руками и ногами, т. е. страдающих размягчением костей, или английской болезнью. [43] Подобные уроды «без костей» носят в народе еще кличку «одмины»; их считают подкидышами «нечистого», взамен выкраденных им человеческих детей. [44] Упырь-одмина не вреден людям, тем более, что ходить он не может, а напротив приносить даже пользу, так как, отличаясь предвидением, может предсказывать будущее.

Верования в упырей не были одного лишь отвлеченного характера. Народная масса стремилась приложить свои представления о них к известным, действительно существующим личностям, реализовать их. В упыри зачислялись обыкновенно люди чем либо выделяющиеся, выходящие из ряда других, как например знахари, калеки, самоубийцы, или же лица хищного, злостного нрава, хотя в моменты народных бедствий, как увидим ниже, это зависело чисто от простой, ничего не значащей случайности. Кроме невежества и общего склада миросозерцания, болезненные галлюцинации и иллюзии, открытие заживо погребенных с истерзанным окровавленным лицом и наконец собственное признание, вынужденное ли пыткой, или же произнесенное психически больными, поддерживали верование в упырей. Публичное сожжение сильно поражало воображение массы, настраивало его на особый болезненный лад и еще более способствовало укоренению и распространению предрассудка.

При Станиславе-Августе указывали на упыря в Белоруссии. [45] Летом 1727 года, киевский полковник, Антон Танский, прислал в малороссийскую войсковую канцелярию крестьянина Семена Калениченка, который в своих показаниях признал себя за упыря и предрекал, между прочим, мор в некоторых местах Малороссии. [46] Факт такого болезненного настроения,

которым только и можно объяснить показания Калениченка, доказывает все таки распространенность и силу народного убеждения. Но еще более выразилось то и другое в легенде, составленной относительно самого же Танского.

Танский был человек богатый, владевший как большим капиталом, так и значительной земельной собственностью. Женившись на дочери Паляя, за которой он взял большое приданое. Своими грабежами и притеснениями казаков и посполитых, он еще более увеличил свое состояние; земли получил он в дар от Петра 1-го. Несмотря на все его неправды, имя Танского, благодаря богатым вкладам и пожертвованиям на монастыри и церкви, часто поминалось между строителями и благотворителями храмов, и пользовалось в этом отношении широкой известностью. Раз пришли в Украину за подаянием на свои обители монахи с Афона; Танский подарил им бочонок («барило») червонцев, предоставив вместе с тем свой дом для хранения всего собранного на Украине. Но скупость одолела Танского, жаль ему стало своих червонцев, завидно было смотреть и на собранные богатства монахов и он решил возвратить свое с лихвой. Слугам было отдано приказание потопить монахов в Днепре и овладеть их сокровищами. Но при этом один из них все таки спасся и рассказал обо всем случившемся своему архимандриту. Последний прибыл в Украину, с целью уговорить Танского возвратить заграбленное достояние Афона. Танский от всего отпирался. Архимандрит после этого наложил на него следующую клятву: «за то, что Антон Танский погубил невинные души, утаил церковные деньги, земля не примет его; добро его, приобретенное неправдою, исчезнет, яко воск от лица огня, перейдет к чужим людям и род его изведется».^[47] И не нашел Танский покоя и в могиле от тяготевшего над ним проклятья: стал он бродить по свету, пока наконец сыновья не пробили его осиновым колом, раскопав его могилу.

Еще с большею уверенностью утверждается факт об упырьстве генерального обозного Василия Борковского, бывшего прежде

черниговским полковником. Этот Борковский известный богач; ему князь Голицын предлагал за 10 тысяч рублей гетманство, но он отказать боярину из скупости. Мазепа, выпросив в займы у скупого богача требуемую сумму, воспользовался предложением князя. Борковский отличался чрезвычайно невоздержанностью, сластолюбием и жестокостью. Семейное предание отмечает его как человека чрезвычайно злого, помимо его непомерной скупости.[\[48\]](#)

Умер он в Чигирине и был похоронен в тамошнем троицком монастыре. На другой после похорон, день, его будто бы видели едущим шестеркой вороных коней по Красному мосту, что на речке Стрижне. Кучер, фореитор и три его собеседника были черти. Молва об этом быстро распространилась, Борковского проклинали и он провалился в речку Стрижень со всем своим поездом. Открыли гроб, в нем лежал краснолицый упырь с открытыми глазами.

Это сказание было изображено масляными красками на стене троицкого собора и только в первом десятилетии нынешнего столетия была закрашена эта фреска, представлявшая легенду об упыре.[\[49\]](#)

Танский и Борковский были, так сказать, упыри социальные, упивавшиеся народной кровью, его жизненными соками. Накипавшая против них злоба, ненависть и могли выразиться лишь в сказаниях, надолго сохранявших в потомстве недобрую славу о них, но проявиться в другой, ощутительной для них же самих, форме они не могли, для этого подобные упыри были слишком сильны и недоступны. С упырями другой категории, не занимавшими высокого общественного положения, чернь расправлялась иначе, и горе тому, кто навлек на себя подобное подозрение, особенно если это было в минуты общественных бедствий. Расходившиеся народные страсти не знали сострадания, масса была беспощадна, вымещая свою ярость на несчастной жертве своего невежества за все понесенные утраты.

Довольно характеристичны в этом отношении следующее три случая.

В южной Волыни, в 1720 году, распространилась моровая язва; мещане местечка Красилова составили совещание относительно мер против страшного бедствия. По всеобщему убеждению, зараза коренилась в чьем-то навождении. Общее внимание обращала на себя старуха Евфросиния Каплунка, так как дожила до редко достигаемого возраста: ей было уже в это время сто двадцать лет. С ведома Красиловского управляющего, дворянина Стеткевича, мещане, в виде предварительной меры, заключили старуху под стражу, сами же отправили депутацию к знахарю спросить, справедливы ли их подозрения. Пока разыскивали знахаря, Каплунка пять суток томилась в заключении и чуть не умерла от страха и лишений. Дети ее, зятья и внуки просили Стеткевича отпустить ее на поруки; ходатайство их было уважено, и принявший Каплунку зять ее, Федор Мельник, немедленно, со всем семейством, выехал из местечка и укрывался на берегу реки Случи. Между тем посланные к знахарю возвратились, он вполне подтвердил подозрения мещан относительно «упырства» Каплунки. Собравшись теперь целою «громадою» за местечком, на перекрестке двух дорог, жители м. Красилова отрядили четырех выборных разыскать колдунью. Убежище Мельника было открыто; его, вместе с тещей, усадили на воз и привезли на место сборища. «Подъехав к местечку», рассказывал Федор Мельник в своем показании об этом происшествии, записанном в Дубенском магистрате, «мы застали у перекрестных дорог большую толпу, которая ожидала нашего прибытия, и кучу приготовленного хворосту. Тотчас принялись рыть яму. Схватив затем Каплунку, сняли ее с воза и поволокли к яме, не спрашивая ее, действительно ли по ее вине распространилась зараза, не дав ей времени для покаяния и не призвав священника для исповеди. Ее посадили в яму по плечи и забросали землею, утоптав затем последнюю бревнами. Из земли были видны лишь голова и плечи. Сверху набросали

хворосту и зажгли его». В это время десятник Феодосий Винник пристал к зятю покойной и угрожая ему палкой, требовал с ругательствами выдачи жернова с его мельницы. Под конвоем пяти, отряженных для этой цели человек, Мельник принужден был отправиться в свою мельницу и выдать жернов, которым затем и привалили то место, где сожгли покойницу. [\[50\]](#)

Восемнадцать лет спустя такая же расправа с «упырем» повторилась в Подолии. В 1738 году здесь распространилось моровое поверие. Стали принимать меры, обратились и к духовной помощи. Жители села Гуменец устроили ночью процессию с крестным ходом по своим полям; между тем у дворянина соседнего села Превратья, Михаила Матковского, пропали лошади. Взяв с собою уздечки, он отправился в ту же ночь на поиски, где и наткнулся на упомянутую процессию. Матковский хотел укрыться, но его заметили; поведение его показалось крестьянам странным. Они сообразили, что Матковский и есть упырь и ходит с целью наслать на них страшную болезнь. На него набросились гуменецкие парубки, жестоко избили, изорвали на нем платье и оставили на поле чуть живого. Кое-как дотащился он домой. На рассвете в Превратье пришел посланный из Гуменец и узнав, что Матковский жив, бегом возвратился назад. Вслед затем, еще до восхода солнца, пришли сюда все жители Гуменец, вооруженные чем попало: ружьями, пиками, косами, серпами и т. п., и окружили дом Матковского. Отрядили депутатов к владельцу имения Маковецкому просить о выдаче им Матковского, как человека вредного для всей местности. Матковский в свою очередь просил у него покровительства, так как не считал себя в чем либо виновным. Маковецкий сказал посланным от крестьян, что помимо его воли тут никто не властен распоряжаться. Толпа прождала до полудня, наконец явился дворянин Бржозовский, ездивший к владельцу по поручению Матковского, и передал ложное известие, будто бы Маковецкий выдает Матковского. Сломав двери, его взяли силой и повели в Гуменцы. Здесь, во дворе дворянина

Качковского, куда собралась вся эта толпа, Матковского подвергли пытке: ему дали пятьдесят или сто ударов, допрашивая о влиянии его на распространение моровой язвы. Не смотря на уверения в невинности, его все-таки приговорили к сожжению. Некоторые из присутствующих выразили однако сомнение в юридической правильности такого приговора. Дворянин Вепршинский протестовал, что дворянина нельзя казнить смертью без приговора городского суда. У него потребовали, чтобы он взял на себя ответственность за все последствия, какие могут произойти от того, что Матковский будет оставлен в живых, дав письменное поручительство. Вепршинский отговаривался сперва неимением чернильницы, а затем сказал: «некогда мне писать, жгите». Произошли некоторые колебания: толпа боялась все-таки судебной ответственности. В это время во двор прискакал верхом дворянин Скульский и закричал толпе: «жгите скорее, я дам сто золотых, если только придется отвечать за это; имеет он губит нас и наших детей, так лучше мы его самого погубим!» Это решило участь несчастного «упыря», нерешительность толпы исчезла. Призвали священника для исповеди, после которой он заметил: «мое дело позаботиться о душе, — ваше о теле, жгите скорей!» «Жечь, жечь», загалдели в толпе. Матковского передали наконец экспертам. Их было три: дворянин Лобуцкий отрезал ремень из сыромятной кожи, надел его на голову жертвы и положив в уши под повязку камушки, крепко окрутил концы ее большим гвоздем; дьяк Андрей Сопрончук, надев на ноги Матковского осиновыя «дыбы» (колодки), повязал на глаза тряпку, намоченную в деготь; какой-то Войцех Дикий замазал ему рот свежим навозом. Все предварительные операции над упырем, вследствие которых он становился безвредным после смерти, были таким образом покончены. Приступили к сожжению. Был приготовлен костер из сорока возов дров и двадцати соломы; костер зажгли и бросили в огонь Матковского, а затем и его платье, оставшееся на месте пытки [\[51\]](#).

Такая же участь, в 1770 году, постигла какого-то захожего из Турции, Иосифа Маронита. в м. Яролинцах, Подольской губернии, во время свирепствовавшей тогда чумы. Достаточно было, что он был иностранец, да еще занимавшийся лечением, хотя и очень удачно, чтобы теперь обратить на себя подозрительную мнительность массы. Маронит был признан виновником разразившихся бедствий; его сожгли, погрузив предварительно в смоляную бочку. [\[52\]](#)

КОЗНИ КОЛДУНОВ

Раскрытие мнимых козней колдовства стало какой-то манией. Мор, голод, болезнь ли ребенка, несчастный ли случай, психическое расстройство, незначительная неудача в известном предприятии — все было делом колдовства. Мелкое чувство самосохранения и эгоизма создавали чрезмерную суеверную подозрительность, которая очень часто доходила до курьезности.

Такой например незначительный и притом очень естественный случай, как передача матерью цветка своему ребенку, который был взят ею из рук другого ребенка, показывается родителям этого последнего чем-то подозрительным. Этому действию приписывают чародейственную силу и бесчеловечно расправляются с мнимо-виновной. [\[53\]](#)

Всякое «зелье», хотя бы приготовленное для самых безупречных целей, уже внушало суеверный страх и опасения за личное благосостояние.

Мещанин Григорий Бабиженко, в 1710 соду, жаловался в каменец-подольский магистрат на мещанина Федора Яцева за то, что он унес из его дома стоявший в печи горшок с зельем, предназначенным для больного ребенка, заподозрив, что оно приготовлено для чародейства. [\[54\]](#)

1732 года, в дубенском магистрате разбиралось подобное же дело. Солдат Степан Гембаржевский обвинял мещанку Анну Дембскую, будто бы она причинила ему болезнь, развешивая на его заборе какое-то зелье. На суде обвиняемая объяснила, что это была горчица, которую она разложила для просушки, чтобы затем истолочь на лекарство для больного ребенка. [\[55\]](#)

Всякому отвару или вообще какой-либо жидкости приписывали особенно разрушительное действие; в пролитии напр. помоев видели чародейство, которым объяснялись все случившаяся затем несчастья. В этом случае допускали — как

очень часто бывает, когда не под силу установить причинную связь явлений — логическую погрешность: *post hoc, ergo propter hoc*, которая главным образом является основой всех суеверий и предрассудков...

В Олыкском магистрате 1747 года мещанином Афанасием Моисеевичем обвинялась мещанка Омельчиха, будто бы она причинила болезнь жене и ребенку истца, вылив в его дворе какую-то жидкость. Обвиняемая на суде объяснила, что это был просто щелок, в котором она выстирала рубаху, и что с пролитием его вовсе не соединялся какой либо злой умысел. Суд признал обвинение в чародействе недоказанным, но воспретил Омельчихе, под угрозой наказания в пятьдесят ударов, выливать что либо в чужом дворе. [56]

В Дубенском магистрате в 1767—8 гг. разбиралось дело по обвинению мещанина Тимофея Середы, между прочим, в том, что он приготовил для мещанки Анны Духинской какой-то особенный состав, которым она облила Мельника Карпа, когда тот, совершенно пьяный, в бесчувственном состоянии лежал на дороге, вследствие чего Карп и получил паралич обеих ног. Свидетели подтверждали, что Середа действительно похвалялся, будто бы он отнял ноги у Карпа и получил за это восемь золотых. «Бес его не возьмет, говорил Середа, а до пояса лишь отнимет у него движение; об этом просил меня Яцко Мельник, чтобы он не мог ходить; ходить однако он еще будет»... [57]

Какой либо глупой хвастливой похвальбы, сорвавшегося в досаде неблагожелания, а тем более угрозы, было вполне достаточно, чтобы поднять настоящую суматоху с формальными заявлениями властям, для ограждения себя от каких-то грозящих неведомых бед расследованиями, допросами, пытками...

В 1702 году, в Каменец-Подольском магистрате, мещанка Маргарита Бахчинская жаловалась на мещанина Северина Хржановского с женою, что они оклеветали ее, будто бы она

посредством чародейства лишила рассудка их дочь. Дело было в следующем. Обе судящиеся стороны заискивали одного и того же богатого жениха для своих дочерей, мещанина Вернацкого, который и женился на дочери Бахчинской. С дочерью Хржановских после этого произошло с горя что-то в роде помешательства. Родители ее приписали эту болезнь чарам Бахчинской и в свою очередь взяли отплатить ей тем же. Они похвалялись, что дочь Бахчинской после свадьбы жить долго не будет, и вместе с тем пытались подослать Вернацкому какие-то «околдованные» пирожки, чтобы расстроить его семейную жизнь. Бахчинская, чтобы оградить себя и семью от могущих произойти от чародейства Хржановских несчастий, заносит свое заявление в магистратские книги. [58]

Подобное же заявление было записано в овручском суде 1733 года. Дворяне Стефан и Феофила Вепровские жаловались на супругов Луку и Анастасию Ярмолинских за то, что последние, нанося разные оскорбления и обиды, похваляются при этом причинить им чародейством смерть и искоренить самый род их. Напуганные этой угрозой, Вепровские заявляют ее в суде для записи, чтобы возбудить против Ярмолинских законное преследование, если бы угроза на самом деле исполнилась. [59]

В 1703 году солдата Матфей Росковский жаловался в Каменец-Подольском магистрате на мещанку Марину Дубеняцкую, будто бы она похвалялась околдовать его (*obiesafa oszarowac*). Судья признал однако это обвинение недоказанным, постановив принять обвиняемой очистительную клятву, что она не занимается чародейством. [60]

В том же магистрате, 1705 года, слушалось дело по жалобе мещанки Морской на соседку Зелинскую, от чар которой ей угрожала будто бы опасность потерять здоровье. Морская заявляла, что видела обвиняемую ночью на своем дворе со свечей босую и простоволосую, и что затем в следующую субботу она в костеле доминиканцев, сломав свечу, оборотила ее верхним концом вниз. Зелинская объяснила, что ходила она ночью

раздетая, отыскивая свою дочь, которая бежала из дому, свечка же, по ее заявлению, была поставлена в костеле как следует. Не имея однако возможности увериться в справедливости последнего заявления, магистрата на всякий случай приговорил Зелинскую к епитимии — лежанию «крижем» (навзничь с распростертыми по полу руками) в том же костеле доминиканцев в течении двух обедень. Между тем армянин Богдан Лукашевич, узнав об этом, в свою очередь заявил магистрату свои подозрения, что свеча была поставлена в обратном положении, но во вред не Морской, а его жене, которая в этот именно день очень серьезно заболела. В подтверждение своих подозрений, он ссылаясь между прочим на то обстоятельство, что за несколько дней пред тем Зелинская произносила угрозы его жене в таких словах: «не могла с тобою сладить пани Шагиновая, так я тебя упрячу, но будешь ты здоровая обитать в этом доме». [61]. При этом надо сказать, что у Лукашевичей велась тяжба с Зелинской за дом.

Эта система запугиваний практиковалась очень часто при каких либо взаимных неудовольствиях, спорах, особенно судебных тяжбах, чтобы склонить таким образом враждебную сторону на уступки, мировую. Нельзя сомневаться, что подобные меры производили желанное действие, достигали своей цели, если судить по тому впечатлению, тому переполоху, какой наводили всегда эти угрозы на тех, кого они касались, побуждая их обращаться за покровительством к властям для ограждения себя от угрожающих несчастий.

Между кременецким мещанином Адамом Еткевичем и мачехой его жены, Анастасией Залесской, велась тяжба за спорную землю (1732 года). Чтобы покончить это дело миром и следовательно в свою пользу, Залесская публично похвалялась не допустить истца и его жену к судебному разбирательству, причинив им тяжкую болезнь. Она говорила в шинке при всех: «когда Адам подал первый позов в суд — он заболел, второй позов подал — сломал руку, за третьим сломит уже шею, жену же его будет ломать во всем теле». [62] Подобные угрозы иногда

как будто осуществлялись на деле, причинную связь между ними и последующими несчастьями устанавливали по крайней мере в массе.

В магистрате города Выжвы. на Волыни, 1716 года, разбиралось дело по обвинению мещанами Сопронюками мещанки Ломазанки в причинении ею, при посредстве чародейства, смерти нескольким лицам. Дочь Сопронюковой выговаривала Ломазянке, что она «съела ее мать». Лука, сын Сопронюковой, называя ее чародейкой, прибавил: «ты заела Токарика и Хильчука, а теперь и нашу мать; постой колдунья, это даром тебе не пройдет: мы пошлем за палачом, если бы даже пришлось пожертвовать для этого парой волов». Сама Сопронюкова на очных ставках с Ломазянкой говорила: «Действительно, ты извела со света Токарика и Хильчука. Я утверждаю, господа судьи, что мои слова справедливы, принимая на себя всю ответственность за это, и теперь скажу, что лишь только кто поспорит с нею — даром ему это не проходит. Токарик и Хильчук затеяли с нею процесс и скоро померли; тут свидетелей не нужно, я опять утверждаю, что умерли они по ее вине». [63]

Колдовство, по народному воззрению, обнимало и другие стороны обыденной жизни, кроме личного, так сказать, вреда, могло причинить и материальный убыток в хозяйстве и прочее.

Летичевским мещанином Михаилом Трублаенком, 1714 года, было получено письмо от крестьянина Ивана Боровского, с поручением прочитать его в полном собрании магистрата. Боровский требовал должной ему от города суммы — 40 злотых, угрожая, в случае отказа, прибегнуть к таинственным средствам, при помощи которых он может разрушить все городские плотины и мельницы. «Мещане летичевские», писал между прочим Боровский, «должны благодарить Бога и делать вклады в местные церкви за то, что он, находясь в городской мельнице, не прикоснулся рукою к жернову, иначе произошли бы весьма дурные последствия для города». [64]

Магистрат до того был встревожен этими угрозами, что немедленно занес это письмо в городские книги.

В Луцком городском суде 1700 года разбиралось дело по жалобе дворян Костюшкевичей-Хобултовским и других лиц на дворян Сенковских о разных обидах и оскорблениях. Сенковские обвинялись между прочим в том, что посредством чародейства произвели убыль в хозяйстве Костюшкевичей, привязывая конские кости к шеям их овец. Они подговорили будто бы при этом свою крепостную, Хведонику, известную уже во всем околотке чародейку, действовать во вред истцов. «Увидите, что я вам сделаю», похвалялась сама Хведониха пред Костюшкевичами; и действительно с тех пор у них начали околевать лошади, рогатый и другой мелкий скот, пасека не дала никакого дохода, потому что Хведониха заглянула и туда, ворожа при посредстве каких-то узелков и обливаний. [65]

В Каменец-Подольский городской суд, 1711 года, поступила жалоба дворян Стеблевских на крестьянина Ивана Короваша, будто бы лошадь их околела вследствие каких-то заклинаний обвиняемого. [66]

1708 года, в Каменец-Подольском магистрате слушалось дело по обвинению мещанином Степаном Жульниченком мещанина Александра Божкевича, будто бы он владеет каким-то секретом, при посредстве которого портит кожи. Слухи о Божкевиче распространялись даже в соседнем от Каменца городе Жванце. Обвинение однако было признано судом неосновательным и истец был приговорен к штрафу и тюремному заключению за клевету, при чем должен был публично извиниться пред Божкевичем, обязываясь не распространять о нем подобных слухов. [67]

Обнимая таким образом все, так сказать, стороны хозяйственного быта, чародейство влияло также на рост огородных овощей и полевых посевов.

В магистрате города Выжвы, 1710 года, разбиралось дело по жалобе мещанина Никиты Веремейчика на мещанина Данила

Олефировича за клевету. Этот последний распустил слухи, будто бы жена Веремейчика околдовала его огород, вследствие чего у него произошел неурожай капусты. Свое обвинение он основывал на том, что она часто проходила мимо его капустных грядок. Суд постановил извиниться Олефировичу перед женой Веремейчика при свидетелях и затем подвергнуть взысканию того, кто повторит про нее подобную клевету. [68]

Хлебным посевам, по общему народному суеверно, вредят особенно так называемые «закрутки» или завитки. Это пучок растущих на поле колосьев, связанный узлом при известных заговорах. Вредное действие этих завитков может быть уничтожено теми же чародейскими приемами. Этот предрассудок относительно завитков или «закруток» сохранился в Малороссии до настоящего времени. Открытие на чьем либо поле такой закрутки возбуждает сильное беспокойство владельца. Для уничтожения ее обращаются в иных местах к знахарю, в других к священнику, который отправляется на поле с крестным ходом и вырывает связанные колосья крестом. Вырвавший закрутку без таких предосторожностей делается, но народному поверью, калекой, хотя пишущий эти строки до сих пор цел и невредим, несмотря на свои неоднократные опыты в этом роде.

В селе Мошках, близ г. Овруча, 1723 года дворянки Любовь и Анастасия Мошковские заподозрены были односельчанином, дворянином Ильею Духовским в произведении завитков. Завитка оказалась на поле Никона Мошковского, которому Духовский предложил свои услуги отворожить ее. Встретив Любовь Мошковскую, он с этой целью ударил ее наотмашь в грудь с такой силой, что она повалилась на землю. [69]

В 1718 году дворяне Немержицкие жаловались в овручский суд на своих соседей, дворян Верновских и Ярмолинских за то, что они «очаровали и завилы» их пшеницу. [70]

Проявление этой таинственной чародейственной силы не могло ограничиться лишь разрушительным, так сказать,

отрицательным направлением ее. Разрушение всегда служить лишь средством для осуществления других целей, очищая место для новых созиданий. Мелкий эгоизм, стремясь расширить, даже в ущерб другим, свое личное благосостояние, созидал его на обломках чужого. «Счастье зиждется на чужом несчастье», сказал где-то И. С. Тургенев, а тут именно производилось подобное созидание, на котором и сосредоточивалось главное внимание, когда была покончена требуемая в известном случае ломка.

ЗНАХАРСКИЕ ПРАКТИКИ

Но с другой стороны требовалось также оградить себя от чужих разрушительных влияний той же силы, восстановить разрушенное. Чародейство, таким образом, влияя разрушительно на здоровье человека, в тоже время должно было поддержать его, не только производить, но и исцелять физические и нравственные недуги, предотвращать разные беды. Подобные требования были тем более естественны, что вытекали из народного взгляда на причины их происхождения. Корень всевозможных бед, болезней лежал не в естественных причинах, не в патологических изменениях организма, а стоял во вне, в таинственной силе, которой можно было противопоставить такую же силу, при помощи заговоров и заклинаний. Известная болезнь, каждое ведение имело особые воплощения, требовали и своего особого ритуала. Такой взгляд на происхождение болезней очень понятен при тогдашнем состоянии у нас медицинской науки, которая не отрешилась еще от астрологических бредней и недоверия к ней массы. Медицина и колдовство очень часто ставились под одну рубрику, а между тем знахарь стоял ближе к народу, пользовался большим доверием, чем интеллигентный лекарь. Знахарство находило таким образом в области медицины полный простор и широкое применение.

Лечение производилось большею частью симпатическими средствами, которые содержались в секрете. Укажем несколько документальных данных из юридической практики XVIII в. в юго-западной Руси.

В г. Каменце 1718 года была арестована еврейка Хайка Шмулиха, зарывавшая в навоз горшок с каким то составом. При допросе оказалось, что делала она это по поручению другой еврейки, Иосевой, дочь которой была больна. Приглашенная для лечения какая-то знахарка приказала сварить смесь разных съестных припасов и, удалив свидетелей, что-то производила с

ними, а затем приказала зарыть горшок в таком месте, где люди не ходят. Дело это было оставлено судом без последствий. [71]

Тем же каменец-подольским магистратом 1729 года крестьянка Феодосия Чумачиха была приговорена к наказанию 100 ударами плети за то, что по совету какой-то неизвестной женщины прибегла к подозрительному средству для излечения своего мужа от «гнильца» и «болячек». Обмакивая нож в пиво, она капала им по лестнице с какими то таинственными заговорами. [72]

Обвинение и тут играло такую же важную роль, как и в чародействе отрицательного характера.

Магистратские книги города Олыки сохранили следующий процесс, возникший между мещанами Андоевичем и Остаповичем. У первого заболело дитя от испуга; жена его, по совету сведущих людей, решила «вылить переляк». Совершив требовавшиеся при этом приемы обливания больного, она вынесла эту воду и поставила на углу своего дома, а затем вылила ее на собаку, которая лежала в усадьбе Остаповича. Последний счел это действие подозрительным и вредным для него, обвиняя жену Андриевича в чародействе и «вовкулацстве». (Вовкулаки, по народному поверью, - это люди, на известное время превращающиеся против воли в волков. В эту пору они убегают в лес и с особым ожесточением душат домашний скот, хотя и не едят его. Эти превращения происходят от Бога за грехи родителей, которые перед праздниками или постами имели плотские связи. Вовкулаки это не более, как страдающие припадками меланхолии, нервного расстройства, граничащего с сумасшествием. В доме моего отца был слуга, молодой парень лет 25, которого считали все односельчане вовкулаком. Во время своих болезненных припадков он пропадал по неделям и более; обыкновенно случалось это летом. Его иногда встречали в лесу, где он собирал ягоды (чернику) и питался ими. Подобных встреч он избегал. Спустя известное время, он опять возвращался назад и принимался за недоконченную им работу. Кличка

вовкулака приводила его в сильное смущение.) Суд постановил: Андриевичам извиниться пред Остаповичами, а так как они при этом прибегали к разным нашептываниям и верили в предрассудки, что грешно пред Богом, то должны уплатить штраф в пользу магистрата и дать два фунта воску в костел и столько же на две православные церкви. [73]

Иногда эти лекарские приемы были гораздо сложнее, окружались большей таинственностью, нашептывания и заговоры сопровождалась употреблением целебных снадобий.

В 1710 году, в ковельском магистрате обвинен был мещанин Григорий Козловский в неудачном лечении при помощи чародейства. Из показаний свидетелей и самого подсудимого оказалось, что секрет для лечения болезней, соединенных с бессонницей, передан ему отцом. Козловский пользовался обширной практикой, хотя и лечил большей частью неудачно. Употреблял он постоянно одни и те же приемы, толлок какую-то траву, которую он не назвал, полипный корень и стружки червонца. Этим составом производилось обкуривание больного, им же смазывались снурки для перевязки больных членов. У пациента отрезывались затем четыре пряди волос и ногти и забивались в дыру, просверленную на вершине дверных луток осиновым колышком. Обратив внимание на неоднократные примеры бесполезности употребляемого средства, магистрат воспретил Козловскому лечение, под угрозой уплаты 100 гривен штрафа, приговорив его притом к отдаче как в костел, так и церковь довольно значительная количества воску и «лежанию крижем» в течении трех обеден в костеле и трех в церкви. [74]

Та таинственность, к которой обыкновенно прибегали знахари в подобных случаях, та строгая тайна, какою окружали они свои действия, вытекали из практических, материальных соображений. Знахарство было специальной профессией некоторых лиц, являлось для их ремеслом, доставлявшим им кусок хлеба. Конкуренция в этом отношении была для них

конечно невыгодна, а тем более опасны были разоблачения, могущие подорвать их авторитетность и сузить их практику. Маскирование своего шарлатанства знахари считали поэтому необходимым, чтобы не лишиться средств к жизни, достававшихся без особенных усилий и труда. Вот характерный в этом отношении процесс.

1741 года мещанином Иваном Михалюком в дубенский магистрат была занесена жалоба на солтыса Дементия Халичука, который, «учинившись ворожбитом, или доктором», взялся излечить его жену, но своим лечением причинил ей смерть. Михалюки жили в супружестве уже тридцать лет, но детей у них не было. Халичук взялся пособить горю: вылечить Михалюкову от бесплодия. От каких-то снадобий у нее действительно появились признаки беременности, в которой она была и сама вполне уверена, советуя мужу приготовиться к крестинам. Родов однако не последовало, хотя мнимая беременность продолжалась уже полтора года. Муж, обратившись к сведущим бабкам, убедился в обмане и отправил жену в г. Острог к доктору. Не смотря на это, она все таки умерла. Михалюк притянул теперь «ворожбита» к судебной ответственности, требуя от него уплаты всех издержек по лечению жены, которые, по его словам, простирались до значительной суммы 500 злотых. Халичук, не дожидаясь судебного разбирательства, бежал из города, ответчицей должна была явиться его жена. На суде она просила снисхождения, так как уплата требуемой суммы была ей не под силу. Михалюк соглашался на значительную уступку. «У меня, говорил он, убытку на триста злотых чистыми деньгами, но я делаю для тебя то, что требую лишь сто, которые внесу в церковь; пусть примет Господь эту жертву, как за душу покойницы, так и ваши души. Со своей стороны, после этого, я буду считать себя вполне удовлетворенным, чтобы твой муж мог возвратиться в свою семью». На этих условиях и состоялась мировая, утвержденная магистратом. [75]

Но между знахарями шарлатанами попадались люди действительно знавшие свойство целебных трав, лечившие очень добросовестно и удачно. Мы упомянули уже об Иосифе Мароните, ставшем жертвой подозрительности невежественной массы в м. Ярмолинцах, во время моровой язвы 1770 года. Подводили же однако и таких знахарей под одну рубрику — чародеев.

1747 года в дубенский магистрат была прислана крестьянка села Гуржик, Анастаая Иваниха, заподозренная в чародействе. Она не отрицала, что занимается лечением, но утверждала, что ее лечение основано не на чародействе, а на знати лекарственных трав, которое ей сообщила ее свекровь; поясняла, что может лечить головную боль, ревматизм (гостец), чахотку, колики, лихорадку и некоторые другие болезни, но не знает никакой травы, употребляемой для дурных целей, никаких средств, при помощи которых могла бы причинить болезнь, смерть или вообще какое-либо зло. [76]

ЧАРЫ НА ИМУЩЕСТВО

После физического благосостояния видное место занимает материальное, и колдовство не оставило без внимания и эту сторону обыденной жизни. Из взятого в нашем исследовании периода сохранилось несколько исторических свидетельств об употреблении колдовства ремесленниками и торговыми людьми для приобретения заказов и увеличения своих доходов. Интересен особенно процесс мастеровых, представляющий довольно обстоятельно магические секреты их чародейственного ритуала.

В Каменец-Подольский магистрат, 1704 года, была подана жалоба ткацким подмастерьем, Василием Фиалковским, на своего хозяина Ивана Затварзюловича, вследствие какого-то недоразумения в денежных расчетах и обмане со стороны хозяина.

На суде дошло до разных попреков и разоблачений, не имевших уже отношения к данному делу. Подмастерье уличал между прочим своего хозяина, что тот для снискания работы прибегал к чарам; мастер в свою очередь показал, что сам Фиалковский был при этом его сообщником, давал разные советы, доставлял и сами средства для этого чародейства. Дело приняло таким образом совершенно другое направление, вызвали уже свидетелей для показаний о чародействе тяжущихся. Из данных на суде свидетельских показаний обнаружилось, что почти все мастера употребляли какие-то магические средства для увеличения своих доходов. Самым распространенным было колдование посредством урезка веревки от церковного колокола.

Будучи еще учеником, Фиалковский заметил, что его хозяйка окуривала таким отрезком свой ткацкий станок, приговаривая шепотом какие-то таинственные слова.

Поступив затем к новому мастеру, раз, во время отсутствия заказов, Фиалковский посоветовал ему испробовать пресловутое средство, добыв при этом кусок требовавшейся веревки. Произвели окуривание станка, но без шептаний, которые Фиалковскому не были известны, и употребленное средство было признано поэтому недостаточным.

Сам Затвардзялович, кроме окуривания, употреблял и другие меры. Он забивал паклей из той же веревки все щели станка и, взяв у Фиалковского антидор, намочил его в святой воде и окропил ею станок. Но когда и это не помогало и заказов не было по-прежнему, он обратился за помощью к какой-то знаменитой Микитихе. Последняя снабдила его каким-то чудодейственным черным порошком, приговаривая: «нехай ся до паев все добре привертае», и советовала насыпать его за голенища. Вполне уверенный в силе сообщенного ему средства, Затвардзялович рекомендовал обратиться за ним к той же ворожке и своему товарищу Телицкому, который был у него вечером того же дня. Телицкий последовал совету и на другой же день, вместе с матерью, отправился за магическим

порошком. Третий ткач, Желиховский, когда ему указали на порошок Микитихи, заметил, что ему более искусная ворожка посоветовала гораздо лучшее средство, в действительности которого он убедился по собственному опыту.

Суд, основываясь на добровольном сознании мастеров, за то, что они «поступили против Бога и совести, прибегая к бабским предрассудкам», постановил: Затвардзяловича отрешить, от должности цехмистра впредь до следующих выборов; Телицкий и Желиховский, тоже до времени выборов, должны были на цеховых сходках занимать последние места и беспрекословно исполнять возложенные на них поручения цеха. Сверх того все они должны были дать на церковь или костел, смотря по вероисповеданиям, определенное количество воска. [77]

Колдовство посредством веревки от церковного колокола не ограничивалось однако пределами цеха мастеровых, а имело более широкое распространение, оно было во всеобщем употреблении, способствуя будто бы увеличению материального благосостояния.

1707 года, в том же каменецком магистрате братчиками церкви св. Николая была обжалована какая-то вдова Агафия из Острога за то, что заказав в их церкви обедню, приказала своему сыну, проникнув чрез церковь, во время службы, на колокольню, урезать несколько кусков веревки от колоколов. Мальчик был пойман на месте проступка учеником братской школы и вдова была представлена братчиками в суд для разъяснения этого дела. [78]

Такое же влияние на успех хозяйственных и других предприятий имела веревка от повешенного или повесившегося («вишальянка»), доставляя обладателю ее счастье в делах имеющих целью материальную прибыль, скорую наживу.

В 1717 году в Каменце же возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковским и Колецким. Последний распустил слух, будто бы жена Маньковского, для завлечения в свое

заведение посетителей, держит отрезок веревки, добытый у палача, служившей ему для повешенья преступника.

Суд признал однако это обвинение пустой сплетней и приговорил Колецкого за клевету к аресту при городской ратуше, впредь до взыскания с него 12-ти фунтов воску на магистратскую часовню. Кроме того, сторонам под угрозой баниции, было заказано делать какие-либо попреки. [79] (Банницией в древнем польском праве называлось лишение государственных преступников некоторых или всех прав; (баниция бывала временная или же вечная - первая служила наказанием за сопротивление властям и грабеж; человека, подвергшегося такой банниции, держали в тюрьме до тех пор, пока он не удовлетворит требования истца. Банниты имели право подавать апелляцию в высший суд или королю в продолжение 12 недель и до окончательного решения дела запастись королевским глейтом, освобождавшим их от ареста. Вечная банниция, или лишение всех прав, позволяла каждому старосте, в юрисдикции которого найдется баннит, хватать его и карать смертью. Так, напр., погиб славный Самуил Зборовский).

В настоящее время можно видеть на пороге лавочек, кабаков и пр. прибитые с той же целью подковы. Нужно только, чтобы подкова была найдена. Характерно между прочим, что подобный предрассудок нашел себе последователя в лице одного из почтенных народных учителей местечка Ш. (на Польшине), И. Г., который, занимаясь продажей учебных принадлежностей, чаю и проч., прибил на пороге лошадиную подкову, «чтобы люди отходили», как объяснял он ее назначение. — Что же, действует? спросил я его. — И дверь никогда от посетителей не затворяется, - отвечал он вполне серьезно!

ГАДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

Колдовство служило также для гаданий, с целью наперед определить исход задуманного предприятия, чтобы, действуя по известным указаниям, обеспечить его успех.

Так, в 1749 году в Каменец-Подольском городском суде разбиралось дело по обвинению семерых крестьян и одного шляхтича в том, что они без ведома экономии откопали будто бы клад на земле, принадлежащей общине доминиканок в селе Пудловцах. Клагоискатели обращались при этом к знахарке, которая вполне обнадежила их в успехе предпринятого дела. Обстоятельства последнего, как уяснили показания подсудимых, состояли в следующем.

Трое крестьян села Пудловец, возвращаясь из церкви после пасхальной всенощной, заметили, что за селом, в прилегающих к нему кустах, показалось над землей какое-то пламя. По всей вероятности, это был падавший аэролит, свет которого и был принят крестьянами за пламя горевших денег, каким, по всеобщему народному поверью, должны были теплиться в эту ночь сокрытые в земле клады. Тотчас решили пойти одному для исследований, так как, по их мнению, на месте виденного огонька должно бы оттаять, — на дворе была заморозь. Но предполагавшейся приматы не оказалось. «Станем копать на Божью волю», заметил один из них успокоительно. Боясь недоразумений с экономией, крестьяне соглашались объявить о своем предприятии, но в виду общих насмешек, если оно окончится неудачей, решили работать тайно по ночам. Приступили к делу. Земля была мерзлая, приходилось рубить топорами. Работа подвигалась медленно и была слишком утомительна. Решили поэтому пригласить еще кого-нибудь из соседей; компания кладоискателей увеличилась. Работали уже несколько ночей подряд, но усилия были напрасны: клад не давался. «Не нам судил Бог», говорили одни, но тут же порешили обратиться к Его помощи. Сделали складчину и дали на службу в церковь и еще с большим рвением принялись вновь

за работу, но все также безуспешно. Наткнулись было на какую-то твердую поверхность, принятую ими за плиту, которой и должен быть привален клад, но пока расчистили это место, вырубив росший на нем куст - никакой плиты не оказалось. С общего совета было принято обратиться за указаниями к ворожее, проживавшей в соседнем селе Пораевке. Прибывший туда с этим поручением один из кладоискателей, Процько, явился к ворожке и, не объявляя ей о цели своего посещения, потребовал, чтобы она угадала ее сама. Она «вылила воском» и сказала, что у него произошел урон в хозяйстве. Процько промолчал, ворожка смутилась. Накрыв стол белой скатертью, она вылила во второй раз и рассмотрев воск внимательно, ответила, что дело идет о кладе, который действительно зарыт в известном ему месте, в медном котле с железной дужкой, но несколько к западу от вырытой ямы. Она советовала затем продолжать работу, уверяя, что клад непременно найдется, и при этом указывала на следующие приметы: к юго-западу от большого, зарытого в земле, камня окажется мусор, немного далее черные черепки, а под ними уже и самые деньги. Клад этот следует откапывать в полнолуние ночью после вторых петухов, когда уже не может помешать в этом злая сила. Эти указания оказались правдоподобными: откопали действительно и большой камень, и мусор в указанном от него направлении, находили и черные черепки, но денег все таки не было. Крестьяне, полагаясь на эти приметы, работали уже в продолжении четырех недель. Между тем огонь, высекаемый в яме для закуривания трубок, был принят другими односельчанами тоже за пламень горящих денег, составила вторая компания, открывшая свои работы не вдалеке от первой. Результаты и тут были те же, только черепья были зеленые.

Узнавшая об этих предприятиях экономия положила им конец: кладоискатели были все арестованы и препровождены в Каменец для отдачи показаний в суде, так как открывшие их пастухи утверждали, что клад действительно найден и они видели, как один из крестьян прятал под полой что-то блестящее.

Так закончилось неудачное искание клада. Из показаны старожилы оказалось, что на месте поисков стоял когда-то, давно уже заброшенный, кирпичный завод [\[80\]](#).

Подобным указаниям знахарей верили безусловно, им приписывали чуть ли не силу прозорливости. В силу такого убеждения к знахарям обращались иногда для открытия виновников тех или иных преступлений, когда для изобличения их не было других улик. Мы видели выше, какое решающее значение имели слова знахаря в деле Каплунки, сожженной в местечке Красилове 1720 года. Пример такого доверия в подобных случаях в знахарскую непогрешимость не является исключительным. Приведем несколько подтверждающих это фактов.

Так, в барстий замковый суд в 1738 году дворянин Василевский жаловался на дворянина Скоржевского, будто бы пропавшая у него лошадь украдена последним. В подтверждение этого обвинения он представил свидетельство, выданное ему знахарем, или «ложным пророком», как назван он в судебном акте. Суд оправдал Скоржевского, Василевский же за то, что «вопреки заповеди Божьей и канонам церкви, обратившись к знахарю, поклонился чужим богам», присуждался к денежному штрафу в две с половиной гривны. [\[81\]](#)

В городе Олыке 1740 года случился пожар. По указаниям ворожки поджигателями были будто бы кузнецы, которые после этого с трудом могли оправдаться от взводимого на них обвинения. Из показаний той же ворожки видно, что она давала также указания относительно произошедшей перед тем в городе кражи. [\[82\]](#)

В том же городке 1742 года в доме мещанина Павла Савоновича случилась крупная пропaja. Потерпевший для разыскания воров обратился к ворожке, мещанке Казанихе. Последняя, как на виновников преступления, указала на жену Савоновича и ее брата, Григория Чайковского. Чайковский за

бесчестие занес в суд жалобу. Магистрат, приняв во внимание безупречность их прежнего поведения, оправдал оговоренных, а Савоновича за то, что он прибегал к колдовству, приговорил к недельному тюремному заключению. Сторонники обвинения подвергались — один денежному штрафу, другой телесному наказанию в 20 ударов. Последнюю кару за навет, опорочивший имя честных людей, понесла и ворожка, ее присудили к 50 ударам. [\[83\]](#)

В Каменец-Подольском магистрате 1717 года разбиралось дело между мещанками Фарановской и Фурикевичевой о взаимных оскорблениях. Первая была призвана в дом последней для ворожбы, но, вместо указаний относительно пропавшего у Фурикевичевой платка, она распространила невыгодные о ней слухи, будто бы в доме Фурикевичей происходит что-то не доброе, так как вода, употребленная ею для гадания, вспыхивала пламенем. [\[84\]](#)

К колдовству обращались однако не только потерпевшие, но и виновники пропажи для сокрытия следов своего преступления.

УГОЛОВНАЯ МАГИЯ

В Луцкий городской суд 1710 года была подана жалоба Дымерским старостой, Петром Лоскою, на своего слугу Франциска Рогозинского, который украл у него восемьсот золотых и при помощи колдовства хотел скрыть свой проступок. пытка в подобных случаях не достигала своей цели, так как колдовством предотвращалось чувство боли.

В Каменец-Подольский магистрат помещиком Верещатынским 1724 года был представлен его крепостной, Василий Гоцул, с требованием подтвердить его пытке, по подозрению в воровстве господских волов и лошадей и в сношениях с разбойниками. Во время пытки, обвиненный ни при растягивании членов, ни при жжении огнем не высказал никаких наружных признаков страдания и не сознался ни в чем. Суд все таки приговорил его к смертной казни, основываясь на том, что помещик с пятью другими дворянами подтвердил присягою свои подозрения. Такое упорство, такую твердость воли магистрат объяснял лишь тем, что Гоцул несомненно имел при себе чары и, вследствие этого, во время пытки «проявил завзятие и терпение, необычное в человеческом теле».^[85]

Влияние чар, по верованию того времени, могло иногда сказаться и на ходе самого судебного процесса, нарушив его нормальное течение таинственным способом.

Так, в барский замковый суд 1736 года дворянин Галузинский подал жалобу на крестьянина Трофима Лукашенка, обвиняя его в краже вола. Свидетелем со стороны истца был поставлен дворянин Андрей Сохацкий, но на суде он дал сперва противоречивые показания, а затем сознался, что был подкуплен Галузинским и только вследствие этого явился в суд. Истец объяснил перед судом со своей стороны, что свидетель Сохацкий околдован подсудимым и его тещей, почему и дал сбивчивые показания. Суд оправдал Лукашенка, подвергнув штрафу Галузинского за ложное обвинение, причем однако

предоставил этому последнему право взыскать свои убытки с
Сохацкого. [\[86\]](#)

ПРИВОРОТНАЯ ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ

Влияние колдовства, как показывают приведенные нами процессы, простиралось таким образом и на область психических явлений, действуя на волевые отправления человека. Но особенно сильное влияние, по общему убеждению того времени, колдовство оказывало на сердечные влечения, начиная от простого расположения и дружбы до чувства самой сильной любви.

К нему прибегали крепостные, чтобы приворожить своих господ, т. е. пользоваться их благосклонностью, расположением, хотя, как выходило на деле, очень часто достигалось противное. Господа, боясь какого либо чувствительного для них вреда от чародейства, жестоко наказывали обращавшихся к этим приворотным средствам.

Так, в книгах Кременецкого магистрата под 1730 годом сохранился возмутительный, по строгости наказания, процесс между помещиком Лукою Малинским и его крепостною, которая посредством чародейства хотела будто бы снискать его благосклонность. Опасаясь каких либо вредных для себя последствий, Малинский требовал, чтобы к обвиняемой во всей строгости было применено уложение Магдебургского кодекса. Обвинение поддерживали пятеро односельчан, которые показали, что обвиняемая, Матрёна Перистая, раз высказалась про своих господ так: «госпожу свою я уже прибрала к рукам; если бы удалось достичь того же в отношении самого пана, то я боялась бы тогда лишь одного Бога». Кроме того двое из свидетелей указали, что подсудимая когда-то в споре с ними произносила угрозы — одному говорила: «тогда улучшатся твои обстоятельства и выдашь замуж своих дочерей, когда волосы вырастут у тебя на ладони»; другому сказала: «ты станешь наг и беден, подобно тому, как нага ладонь твоя». Но кроме свидетельских показаний, по кодексу требовалось еще сознание самого подсудимого; если оно не было произнесено добровольно, его вынуждали пыткой. Перистая же на допросе

ответила лишь какой-то загадочною фразой: «уповаю на Господа Бога, на своего пана и паню; лишь бы месяц светил надо мною, а звезды я колом разгоню», причем заметила: «сознаюсь ли я в чем или нет, все равно пропасть придется». Судьи признали подобные показания еще недостаточными. Обвиняемую подвергли пытке. Три раза повторили мучительный процесс растягивания членов на блоках, три раза жгли ее раскаленным железом, но она все таки утверждала, что не знает никаких чар и что обвинение возникло, благодаря распущенным про нее сплетням соседки Корпеихи. Суд все таки, на основании свидетельских показаний, приговорил Перистую, главным образом за угрозы господам, к смертной казни, которая должна была совершиться на следующий же день. [87]

Но особенно в ходу были «приворотные» средства в любовных делах. Хотя подобные отношения двух полов содержатся большей частью в тайне и редко дают повод к искам, тем не менее и тут иногда происходили нескромные разоблачения, разбиравшиеся судебным порядком. Вытекали они то из чувства ревности или мести, то из суеверного страха, чтобы не приворожили к себе почему либо нежелательные люди. Мы уже упоминали выше про жалобу солдата Росковского в 1713 году на мещанку Марину Дубеняцкую, к которой понудила его жена из ревности к этой последней.

1749 года в Каменец-Подольском городском суде были сняты показания с парубка Андрея, обвиненного в незаконной связи с дворянкой Ружковской. Обвиненный подтвердил, что он действительно состоял в этой связи в продолжении нескольких лет, постоянно пытался уклониться от нее и раз десять убежал из дома Ружковской, но последняя против воли заставляла его возвращаться назад. После каждого подобного побега она прибегала к чародейству, весь ритуал которого, требовавшийся в данном случае, по поручению Ружковской выполнялся ее приближенной, кормилицей Евдокией. Последняя обыкновенно сперва потрясала плетнем, сыпала затем горячие уголья и

совсем нагая обегала кругом дома; уголья пересыпались далее на собственную рубашку и прикрывались горшком. Если рубашка не загоралась — это было признаком возврата Андрея. Раз он, по его показанию, за нежелание вернуться во время одной из своих отлучек, поплатился за это тяжкою болезнью. [88]

В городе Каменце, в доме войта армянского. Павла Святовича, была задержана в 1716 году нищая Марина с каким-то подозрительным узелком, в котором заключалась горсть песка, куски костей и зуб, признанный почему-то за зуб мертвеца. Арестованная на суде показала, что найденные при ней предметы она хотела передать как талисман одной девушке, просившей доставить ей средство, способствующее выходу замуж. Магистрат находил, что действия подсудимой весьма подозрительны и постановил допросить ее еще под пыткой. [89]

В барском замке 1731 года разбиралось дело, возникшее между дворянами Гольчинским и Новосельским. Последний хвастал раз перед соседями, что если бы жена Гольчинского жила в одном с ним селе, то он наверное затеял бы с нею любовную связь, про которую муж и не узнал бы, так как он напоил бы его отваром чемерицы и другими снадобьями. Выпив такой состав, муж, по уверению Новосельского, теряет способность следить за поведением жены.

Это донеслось до Гольчинского и при встрече с Новосельским он нанес ему несколько ударов саблей, причинив ранения. По суду Гольчинский должен был лечить своего противника за свой счет, Новосельский же был приговорен к штрафу в 15 гривен за непристойную похвальбу... [90]

Прошлым веком заканчивается у нас существование колдовства официального т. е. мало-помалу оно теряет свой юридический смысл и процессы по этому поводу прекращаются. Не трудно заметить из приводимых нами процессов, что в отношении к ним заметна какая неустойчивость, колебание самих судий: на ряду с обычным

почти порицанием предрассудков и веры в «бабьи» чары, встречается еще такой факт, как оправдание Комарницкого, хотя его можно назвать исключительным. Юрисдикция в отношении колдовства вступает в новую фазу, освобождаясь от средневековых взглядов на этот предмет. Статьи действующих еще в ту пору судебных кодексов, налагающие очень строгие наказания за чародейство, остаются большею частью мертвой буквой и применяются лишь в особых исключительных случаях; обыкновенно дело ограничивалось наложением церковной эпитимии, денежного штрафа, телесным наказанием. Судебные уложения городского устава полагали между прочим такое требование: «рenegат, отрекшийся от веры, должен быть сожжен. Та же казнь назначается и для чародеев». [\[91\]](#)

В дополнениях к кодексу Магдебургского права говорится то же самое еще с большей определенностью и полнотой. «Если бы оказалось, - так гласит XIV ст., - либо учил чародейству другое лицо, или угрожал кому либо колдовством, а потом приключилось бы действительно несчастье тому, против кого была произнесена угроза, равно если бы на кого либо пало подозрение в чародействе, вследствие его слов, обычаев, внешнего вида и других обстоятельств, свойственных колдунам, то, в силу установившейся молвы, такое лицо должно быть обвинено перед судом и если признаки чародейства окажутся на нем, оно должно подвергнуться пытке». Там же определяются и рамки допроса (ст. XXII): «во время пытки чернокнижника и чародея должно допрашивать обо всех обстоятельствах его преступления: какие он употреблял средства, каким образом и в какое время, какие при этом произносил слова, или совершал действия; затем следует допросить, у кого он учился чародейству, или каким образом усвоил его приемы, сколько раз прибегал к нему и какое бедствие и кому причинил.»

Жестокости инквизиции не мирились однако с духом мало-русского народа и она не привилась на чуждой ей почве. В подобных случаях руководились в судах более здравым смыслом и имели более трезвый взгляд на дело. Тут не

определяли чародеев по их «внешнему виду и другим, свойственным колдунам, обстоятельствам», «сила установившейся молвы» не имела также значения и очень часто наказанию подвергались сами истцы, за нелепость своих обвинений и веру в предрассудки. Это обстоятельство естественно должно было уменьшать число подобных жалоб с каждым годом и отбить охоту обращаться к суду в делах о чародействе. Тем не менее чародейство не искоренилось, а приняло лишь более замкнутый, так сказать семейный характер, заняв тот укромный уголок народной жизни, где не могут уже влиять какие либо административные меры. Вера в колдовство сохранилась и по настоящую пору в форме различных суеверий, предрассудков и поверий, и к стыду нужно сознаться не в одной лишь темной народной массе черного люда! Дымкой густого тумана распростерлись эти поверья над широкой русской землей, пока луч дневного света не рассеет этого мрака и не наступит полное «просветление». Но пройдут еще десятки лет, пока пере-станут выделяться «тяжелые дни», изгладится вера в привороты, влияние дурного глаза и встреча с зайцем, перебежавшим дорогу, перестанет считаться зловещей... На тружениках народного образования лежит высокая задача этого умственного и нравственного просветления массы, хотя с грустью нужно сказать, что многие из них сами не свободны от недуга предрассудков, от которого должны врачевать других!..

*Арсений Селецкий.
1886 г., 30 января.
Винница, Подольск, губ.*

ПРИМЕЧАНИЯ

[« 1 »](#) Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Материалы и исследования, собр. П. И. Чубинским, т. I, в. 1, стр. 189 и 184. Спб. 1872 г.

[« 2 »](#) Ibidem, стр. 187.

[« 3 »](#) М. Драгоманов, «Малорус, народ. предания и рассказы.» Отд. IV, № 5, стр. 43. Киев, 1876 г.

[« 4 »](#) Ibidem, стр. 42.

[« 5 »](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. 1, вып. 1, стр. 190.

[« 6 »](#) М. Драгоманов, Малор. народ. пред. и рассказ., отд. IV, стр. 43.

[« 7 »](#) Ibid.

[« 8 »](#) Ibid.

[« 9 »](#) Чубинский, Матер. и исслед., т. I, вып. I, стр. 190.

[« 10 »](#) Ibidem., стр. 189.

[« 11 »](#) М. Драгоманов, Малорус, народ, пред. и рассказы, Отд. IV, № 9, стр. 47.

[« 12 »](#) Чубинский, Матер. и исслед., т. I, вып. I, стр. 188-9.

[« 13 »](#) Ibid., стр. 186-7, 190. Драгоманов, Малор, пред. и рассказ., отд. IV, № 19. стр. 52.

[« 14 »](#) Драгоманов, Малорус, народн, пред, и рассказы., Отд. IV, стр. 45-6, №№ 4, 7. Чубинский, Материалы и исследования, т. I, в. I, стр. 188.

[« 15 »](#) М. Драгоманов, Малор. нар. пред, и рассказ., стр. 46, № 8.

[« 16 »](#) Чубинский, Матер. и исслед. т. I, в. 1, стр. 184.

[« 17 »](#) Ibid., стр. 183.

[« 18 »](#) Ibidem, стр. 188.

[« 19 »](#) М. Драгоманов», Малорус, нар. пред, и рассказ., Отд. IV, стр. 44.

[<< 20 >>](#) Ibidem., стр. 46, №№ 6, 7.

[<< 21 >>](#) Чубинский, Матер. и исследования, т. 1, стр. 80; 411-412, Приложения. Документы о колдовстве, № 47.

[<< 22 >>](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. I. Прилож. Документы о колдовстве, стр. 363, № 7.

[<< 23 >>](#) Подкаминье — небольшое австрийское местечко в Галиции, недалеко русской границы, близ м. Почаева.

[<< 24 >>](#) Чубинский, Материалы и исслед. т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовстве, стр. 418—16, № 49.

[<< 25 >>](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовстве, стр. 411—12, с. 47-

[<< 26 >>](#) Это убеждение не было однако так сильно и не влекло таких последствий, как на Западе, где, например, в 1487 году, в одном маленьком германском городке, Равенсбурге, сожгли, с согласия императора Максимилиана, 18 ведьм за телесные сношения с чертом. — Историч. Вест., 1884 г., кн. IX, стр. 672.

[<< 27 >>](#) На Западе этот вопрос был решен утвердительно. Шпренгер в своем трактате конца XV в. «*Milieus maleficarum*» (Молот чародеек) говорит, что женщина вследствие своей слабости скорее подчиняется влиянию черта, и это положение подкрепляет филологией, производя слово *femina* от *fe* — вера и *minus* — менее, что доказывает, что у женщин меньше веры.

[<< 28 >>](#) Чубинский. Материалы и исследов., т. 1, в. 1, стр. 203.

[<< 29 >>](#) Ibidem. стр. 803.

[<< 30 >>](#) Чубинский, Материалы и исслед., т. I, стр. 198.

[<< 31 >>](#) Ibidem, стр. 197; 203.

[<< 32 >>](#) Ibidem, стр. 197.

[<< 33 >>](#) Ibidem, стр. 199.

[<< 34 >>](#) Чубинский, т. I. Прилож. Документы о колдовстве, № 45. стр. 379.

[<< 35 >>](#) Упырь — исковерканное на малорусский лад слово вампир; характеризуются они сходными чертами: тот, и другой питаются человеческой кровью.

[« 36 »](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. I. в. I, стр. 205.

[« 37 »](#) Lud ukrain. Nowosielkiego, t. II, str. 161, 1857 г. «Киевская Старина» за 1883 г., июнь, стр. 342.

[« 38 »](#) Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. III, стр. 557; Киев. Стар. 1883 г., июнь, стр. 371.

[« 39 »](#) Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Материалы и исслед., собран. П. Чубинским, т. I. в. 1, стр. 206.

[« 40 »](#) Ibidem.

[« 41 »](#) М. Драгоманов, Малорус, народн. предан, и рассказы. Отд. V, № 1, стр. 62 и № 3, стр. 63—6.

[« 42 »](#) И. Чубинский, Материалы и исследования, т. II, стр. 419. Спб. 1878 г.

[« 43 »](#) Lud ukrain., т. II, стр. 161: Киев. Стар. за 1883 г., июнь, стр. 373.

[« 44 »](#) И. Чубинский, Материалы и исследования, Т. 1. в. I, стр. 193-4.

[« 45 »](#) Киев. Стар., 1883 г., июнь, стр. 373.

[« 46 »](#) Ibid., стр. 374-5.

[« 47 »](#) Киев. Стар., 1883 г., июнь, стр. 375.

[« 48 »](#) Киев. Стар., 1883 г., июнь.

[« 49 »](#) Киев. Стар., за 1883 г., июнь, стр. 378; Н. Маркевич. Обычаи, поверья, кухня малорос, стр. 79.

[« 50 »](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. 1, в. 1. Прилож. Документы о

[« 51 »](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. 1, в. 1. Прилож. Документы о колдовстве, стр. 425—32, № 55.

[« 52 »](#) П. Чубинский, Материалы и исследования, т. 1, в. 1. стр. 339.

[« 53 »](#) Чубинский, Материалы и исследования, т. I, в. 1. Прилож. Докум. о колдовстве, стр. 450—1, № 57.

[« 54 »](#) Ibidem, стр. 377, № 13.

[<< 55 >>](#) Ibidem, стр. 401—2, № 38.

[<< 56 >>](#) П. Чубинский, Материалы и исслд., т. I. Прил. Докум. о колдовстве, стр. 437—8, № 62 и 63.

[<< 57 >>](#) Ibidem., стр. 452—4, № 69 и 70.

[<< 58 >>](#) Все подобные жалобы в предупреждение будущих несчастий чародейства имеют один общий тип. Вот как Бахчиская определяет значение своей «протестации»: «I to przy protcsfaciej zapisuie i waruje sobie, aby mi napotym na dom mnj i na dziatki moje czeyo uczynit nie chciała (т. е. Хржановская), bo jezeli mi sie co stanie, to na nia wszyslkic wine skladac musze, bo sic nawazyła na moj dom. O co wszyslkn protestujac sie, zachowuje sobie salve w tym prawnie crunic». Чубинский, Материалы и исследования, т. 1, п. 1. Документы о колдовстве, №4, стр. 371.

[<< 59 >>](#) Книга гродская овруцкая, «занисовая и поточная», року 1733- 1734, 3233. лист 393.

[<< 60 >>](#) Материалы и исследования, собранные Чубинским, т. I, в. 1, стр. 379—80, № 16.

[<< 61 >>](#) П. Чубинский, Матер, и исслд., т. I, в. 1, стр. 333.

[<< 62 >>](#) Ibidem, стр. 400, № 37.

[<< 63 >>](#) П. Чубинский, Матер, и исслд., т. 1, в. 1, стр. 384—5. Прилож. №21.

[<< 64 >>](#) Ibidem., стр. 580—1, № 17.

[<< 65 >>](#) Чубинский, т. I, Матер, и исслд.. стр. 264—70, № 2.

[<< 66 >>](#) Ibidem, стр. 348.

[<< 67 >>](#) Ibid., стр. 348—9.

[<< 68 >>](#) Чубинский, Матер, и исслд., т. 1 Прилож. Докум. о колд., стр. 375, № 10.

[<< 69 >>](#) Чубинский, Матер, и исслд., т. I, стр. 337—8.

[<< 70 >>](#) Архив» юго-западной России, ч. IV, т. I. стр. 388.

[<< 71 >>](#) Чубинский, т. I, стр. 389, № 27.

[<< 72 >>](#) Ibid., стр. 390—7. № 33.

[<< 73 >>](#) Чубинский, Матер, и исслд., т. 1, в. 1. Прилож., стр. 434—6, № 59—60.

- [<< 74 >>](#) Чубинский, Матер и исслед., т. I, стр. 340.
- [<< 75 >>](#) Чубинский, Матер. и исслед., т. I, стр. 410. Прилож.. № 46.
- [<< 76 >>](#) Ibid., стр 436 -7. № 61
- [<< 77 >>](#) Чубинский, Матер. и исследов., т. I, стр. 372—74. Прилож., № 5, 6, 7.
- [<< 78 >>](#) Ibid., стр. 374, № 8.
- [<< 79 >>](#) Чубинский, Матер, и исслед., т. I, в. 1, стр. 387-9, №№ 25, 26.
- [<< 80 >>](#) Чубинский, Материал. И исследов., т. I, в. 1, стр. 439—447. Прилож. №№ 64—2.
- [<< 81 >>](#) Чубинский, Материалы и исслед., т. 1, в. 1, стр. 408. Прилож. Докум. о колдовстве, № 13.
- [<< 82 >>](#) Чубинский, т. I, стр. 409. Прил., № 45.
- [<< 83 >>](#) Ibid., стр. 413. Прил., № 48.
- [<< 84 >>](#) Ibid., стр. 377—8. Прил, № 14.
- [<< 85 >>](#) Архив юго-зап. Рос., ч. V, т. I, стр. 302; Чубинский, Матер, и исслед т. I, в. 1, стр. 355.
- [<< 86 >>](#) Чубинский, Матер, и исслед., т. 1, стр. 405—7. Прил., № 42.
- [<< 87 >>](#) Чубинский, Матер., и исслед., т. I, стр. 397—9. Прил., № 34.
- [<< 88 >>](#) Ibid., стр. 447—50. № 66.
- [<< 89 >>](#) Чубинский, т. I, стр. 385—6. Прил., № 22.
- [<< 90 >>](#) Ibid., стр. 393, № 65.
- [<< 91 >>](#) «Porzadek sadow miejskich». Krakow, 1629 г., cz. VI, str. 221—2.